

ных с геолингвистикой. Книгу завершают ряд интересных приложений, выборочный список литературы, индекс стран и терминов.

При работе над книгой у Э. В. Гуннемарка было много помощников и среди основных — проживающий в Швеции финно-угровед эстонец Валев Уйбопуу.

АГО КЮННАП (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1993.1.08>

**Sirkka Saarinen, Marilaisen arvoituksen kielipöpi, Helsinki 1991 (MSFOu 210).**

Финно-угорское языкознание в 1991 г. пополнилось еще одним интересным исследованием. Увидела свет докторская работа Сиркки Сааринен «Грамматика марийских загадок», которую она защитила в сентябре этого года.

Она замечательна не только с лингвистической точки зрения, но весьма полезна и с точки зрения фольклористики. Автор сумела скрупулезно проанализировать марийские народные загадки, их особенности как одного из малых жанров марийского устного народного творчества как фольклорист и, что нужно особенно подчеркнуть, прежде всего как лингвист.

Марийские народные загадки подвергались анализу и ранее. Много внимания этому жанру марийского фольклора уделил старший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева доктор филологических наук А. Е. Китиков, работы которого автором рецензируемого труда изучены очень внимательно. Но, если А. Е. Китиков в своих работах опирался на материалы как дореволюционные, так и современные, то С. Сааринен ограничилась анализом тех загадок, которые сохранились в рукописях Т. Евсевьева в г. Турку. К сожалению, эти материалы на родине Т. Евсевьева, который был репрессирован, не сохранились. С. Сааринен одной из первых среди финских исследователей сделала бесценное собрание Т. Евсевьева достоянием мировой общественности. Особенно благодарны ей за кропотливую работу по изданию рукописей Т. Евсевьева (MSFOu 184 и 199) его соотечественники. В подготовке первого тома участвовал профессор Алхо Алхониеми. Ограничение исследования материалами Т. Евсевьева, не внося существенных изменений в выводы авто-

ра, вполне оправдано, ибо этот материал отражает определенный хронологический срез в развитии марийских загадок и их лингвистической структуры.

С. Сааринен хорошо владеет марийским языком, несколько раз посетила республику Марий Эл, что, естественно, облегчило ее исследовательскую работу. В предисловии она пишет, что немалую помощь оказал ей доцент Марийского государственного университета, находившийся как преподаватель марийского языка два года в Финляндии Валентин Васильев.

Рецензируемая монография включает предисловие, пространное введение, три главы и заключение.

Во введении, состоящем из пяти частей, рассматривается история исследования загадок и их структур в мировой фольклористике, особое место занимает история исследования марийских загадок и характеристика марийского материала, изданного в Финляндии. Здесь автор останавливается на материалах таких финских ученых, как В. Поркка, Г. Рамстедт, Х. Паасонен, Ю. Вихманн.

К изданным в Финляндии относятся и материалы, собранные Т. Евсевьевым и опубликованные С. Сааринен (Timofei Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen II. Vorzeichen, Traumdeutungen, Sprichwörter, Spottverse und Rätsel. Hrsg. von Sirkka Saarinen (Helsinki 1989 (MSFOu 199))). Его материал, как пишет С. Сааринен, солиден и объем. Не забыты ни одна группа, ни один тип загадок. С языковой точки зрения, по мнению автора рецензируемой книги, не чувствуется смешения диалектов, собраны материалы диалекта, легшего в основу литературного языка, хотя в этом вопросе с ней можно поспорить.

Далее отмечаются диалектные коллекции Э. Беке. Загадки, им собранные,

опубликованы в нескольких сборниках: «A cseremiszek (marik) népköltészete és szokásai, I. kötet, Budapest 1951; Mari szövegek, I. kötet, Budapest 1957; Mari szövegek, III. kötet, Budapest 1961; Mari szövegek, IV. kötet, Budapest 1961.

На основе материалов, изданных в Финляндии, и рукописных материалов Э. Беке американский исследователь А. Тейлор в 1952 г. опубликовал работу о марийских загадках в сборнике «Studies in Cheremis Folklore» (1952).

Особо останавливается С. Сааринен на фольклорных материалах, которые издавались в царской России и Советском Союзе. Она правильно отмечает, что первыми значительными собраниями марийских загадок были сборники В. М. Васильева «Марий калыкын йомакше, ойлы-машыже, туштыжо, тошто мутшо, мурыжо» (Москва 1931) и С. И. Ибатова «Марийские народные пословицы, поговорки и загадки» (Йошкар-Ола 1960). Наиболее полный сборник издан А. Е. Китиковым «Марийские народные загадки» (Йошкар-Ола 1967). Ему предпослано обстоятельное введение. Далее С. Сааринен подробно анализирует монографию А. Е. Китикова «Марийские народные загадки» (Йошкар-Ола 1973).

На наш взгляд, она права в том, что мар. *тушто* 'загадка' вряд ли одного корня с марг *тышляш* 'исследовать, наблюдать, примечать что-либо', как полагает К. Редей, ибо фонетически это трудно обосновать (с. 28). Права С. Сааринен и в том, что не все метафоры в загадках представляют собой табу. Загадки сами образуют в основном метафоризованную языковую закономерность, языковую игру, которую нельзя объяснить языковым запретом (с. 29). Усмотрение А. Е. Китиковым в загадках, с одной стороны, межнациональных ссор, с другой — дружбы народов, исходит, по мнению С. Сааринен, из наивного стиля советской литературы (с. 29).

В разделе о замыслах загадок С. Сааринен анализирует в сопоставительном плане данные монографии А. Е. Китикова и свои материалы, полученные путем анализа загадок Т. Евсевьева. Интересно отметить, что несмотря на разницу материалов по хронологии (Китиков собирал свои в 50-е и 60-е годы, а Евсевьев — в начале века) выводы в целом со-

падают. Незначительное расхождение в процентах объяснимо изменениями в социально-экономической структуре общества. Так, в материалах как А. Е. Китикова, так и Т. Евсевьева большое место занимают загадки о животных (у Китикова — 14,7%, у Евсевьева — 16,5%). Второе место занимают овощи, ягоды и фрукты, соответственно — 13 и 12,9% (с. 30). Автор книги отмечает, что А. Е. Китиков не встретил ни одной загадки, где в ответе выступали бы распространенные в марийских лесах липа и дуб. Правда, у Евсевьева пару раз в качестве разгадки выступают желудь и ствол молодой липы, с которого сдирают лыко.

Далее рассматриваются установившиеся схемы построения загадок. При этом легко выделяются 10 семантико-синтактико-стилистических критериев определения формул. Приводятся следующие формулы построения марийских загадок:

1. Двучленная формула противопоставления (антитезы). Она состоит из обстоятельства времени, места, образа действия и т. д. и глагола или имени, указывающих на разгадку. В обоих предложениях — один субъект, являющийся разгадкой: *Кеҥежэм телэ, телэм кеҥеж*. — *Nõ-rõp* (с. 34) 'Летом зима, зимой лето. — Погреб'. По такой формуле строится 5% материала.

2. Формула контраста, тоже двучленная: *Соҥаšәžәžә тоштә, комтәšәžәžә* и. — *Omarta ilum* (с. 35) 'Бурак старый, крышка новая. — Пень и снег'. В предложениях с формулой контраста вместо предиката или предикатива может выступать и обстоятельство места: *Ulnә ßüt, күšnә tul*. — *Lampә* (с. 35) 'Внизу вода, сверху огонь. — Лампа.' Тоже 5% материала.

3. Адверсативная формула, или формула противоположности, состоит из двух последовательных предложений, где второе выражает противоположность или противоречит первому. Если в финском языке это выражается при помощи союзов *mutta* и *vaikka*, то в марийском редко употребляется союз *гынат* 'хотя'. Обычно отношение понятно из семантики. Часто одно предложение утвердительно, второе — отрицательно: *Peš kukšә, ok jülә*. — *Lomәž* (с. 36) 'Очень сухой, не горит. — Зола'.

4. Формула парадокса (13% материала). Парадокс может передаваться четырьмя способами:

а) числительными: *Ik šontâkâštem kolâ uyâi*. — *Okna orata* (с. 37) 'В одном сундуке двадцать углов. — Оконный блок';

б) величиной (предмета): *Parña kutâš belâ roçâm roça*. — *Iškâ* (с. 37) 'Величиной только с палец, собирает одежду. — Вешалка';

в) свойством предмета — обычно отсутствием чего-либо при помощи лишительного падежа или послелога *dech nosna* 'без': *Kâtte jolde tojaš kûza*. — *Kaçun* (с. 37) 'Без рук, без ног лезет на палку. — Тыква';

г) способностью предмета; метафорой здесь выступают, как правило, дед, царь или богатырь в генитиве: *Koçajñ salmam kumâkten om ket*. — *Idâm* (с. 37) 'Не могу перевернуть дедову сковороду. — Гумно'.

5. Сравнительная формула, состоит из двух параллельных предложений. Сравнение выражается при помощи прилагательного с помощью послелога *dech*: *Lun deç ošo, šüç deç seme*. — *Soçerten* (с. 38) 'Белее снега, чернее угля. — Сорока'.

В одночленном сравнении используется часть предмета разгадки, которая метафорична: *Klat teç tûkâžž kužu*. — *Soçerten* (с. 38) 'Рога длиннее амбара. — Сорока'.

6. Экзистенциальный повтор: *Pu ola ûmbalne šun ola, šun ola ûmbalne çuyun ola, çuyun ola ûmbalne ludâmo kol šoleš*. — *Komaka olmo, komaka, salma, melna* (с. 38) 'На деревянном городе глиняный город, на глиняном городе чугунный город, на чугунном городе варится рыба без костей. — Подопечек, печь, сковороды, блин'.

7. Форма диалога. Здесь всегда два ответа: — *šem ûdâr, kuš kajet?* — *Kuyun ipša, tom maçâr:t?* — *Tûñâk i šikš* (с. 38—39) 'Черная дева, куда идешь? — Ширококоротый, что кричишь? — Труба и дым'.

8. Форма вопроса: *Mo božde šoçeš*. — *Roñkâ* (с. 39) 'Что растет без корней? — Грибы'.

Следующий раздел посвящен цели и методу исследования. Здесь С. Сааринен подробно говорит о предшествующих исследованиях грамматики фольклорных

произведений. Однако работы, специально посвященной грамматике загадок, она не обнаружила. Рецензируемый труд по сути является первым исследованием по этому вопросу.

Основная часть книги посвящена синтаксису, морфологии, фонологии, лексике и семантике марийских загадок, собранных Т. Евсевьевым.

Прежде всего автор правильно отмечает, что для марийских загадок не характерны формулы начала, конца и вопроса. Есть, правда, формула начала *tuštâm tuštêm* 'загадываю загадку', но в материалах Т. Евсевьева она встречается всего один раз да и то сама является загадкой. В материалах А. Китикова эта формула имеется.

В разделе «Типы предложений» сообщается, что около 60% загадок состоят из простых предложений (с. 47). Сюда же можно отнести около 11% идеофонических предложений. По данным А. Китикова, простые предложения составляют более 81%. Они бывают глагольными, экзистенциальными или предикативными. Сюда же автор относит именные и вопросительные предложения. Права С. Сааринен, что в большинстве случаев предложения в загадках короткие и состоят лишь из главных членов. Для марийских предложений типична структура SOV, где определение предшествует главному слову; новая информация непосредственно помещается перед глаголом (с. 47). Половина простых предложений в загадках является глагольными — как с переходными, так и с непереходными глаголами. Распространенность предложения зависит от того, состоят ли они только из главных членов или включают в себя определения, обстоятельства и т. д.

Вообще, как правильно замечается в книге, марийские загадки не являются вопросительными. Обычно во включающих в себя вопросительные местоимения загадках спрашивается об особенностях и свойствах загадываемого: *Tûñašte mo en pise?* — *Uš* (с. 47) 'Что в мире острее всего? — Ум'.

Вопросительное местоимение или местоименное слово бывает также объектом. Вопрос может быть выражен интонацией, без вопросительного местоимения и частицы: *Jolyâç šüşkâlmâm koçkat?* —

*Kopšta* (с. 48) 'Будешь есть зарезанного по ноге? — Капуста'.

Наибольшее количество марийских загадок, как сообщается в книге, состоит из утвердительных предложений. Автор обнаружила лишь одно повелительное предложение, что весьма примечательно, ибо это характеризует строй предложений марийских загадок. Как в марийских, так и в финских предложениях субъект часто отсутствует, если он выражается местоимением 3-го лица; в вопросе тогда нет эллипса (с. 48).

Весьма интересно наблюдение С. Сааринен относительно экзистенциальных предложений, которые, по ее мнению, составляют 20% простых предложений и по морфологическим элементам не отличаются от остальных типов. Их схема: ASV — обстоятельство + субъект + (предикат). Глагол *ulo* 'есть', как и в финских загадках, часто опускается: *Nur pokšeline kūrthō pōkōn.* — *Pesan* (с. 49), 'Посреди поля железный стул. — Осот'.

Есть ряд загадок, в которых предложения трудно отнести к какому-либо типу. Они начинаются обстоятельством *kumäšto jum äšto* 'в мире'. Автор называет их кванторными предложениями (с. 51).

Около 4% простых предложений являются чисто предикативными. Многие сложные предложения состоят из двух или нескольких предикативных предложений. Предикативом в загадках почти всегда является имя прилагательное, которое характеризует субъект: *Ik söсна kum jolan.* — *Lakan* (с. 52) 'Одна свинья с тремя ногами. — Лохань'.

В тех предложениях, в которых предикативом является существительное, оно тоже характеризует субъект: *Ik moyäržo čodra, bes moyäržo nur.* — *Užya* (с. 52) 'Одна сторона — лес, другая — поле. — Шуба'.

Загадки, содержащие сравнение, тоже представляют собой предикативные предложения. Сравнение здесь достигается послеложной конструкцией с послелогом *dech* 'от', которая предшествует субъекту.

Марийская грамматика, как верно пишет С. Сааринен, не выделяет именные предложения в особый тип, и считается, что предложения, состоящие из одного имени, семантически могут отвечать раз-

личным типам. При этом она ссылается на Л. Васикову, отмечая, что вопрос еще ждет решения (с. 53).

Около 5% простых предложений в загадках, по подсчетам С. Сааринен, являются именными. Большинство именных предложений состоит из подлежащего и предшествующего ему определения, которое может быть выражено как прилагательным, так и существительным (с. 53). Субстантивным определением может быть и отрицательное причастие: *Käcken kettämä šim alaša.* — *Maska* 'Черный мерин, которого нельзя запрячь. — Медведь'.

Часто прилагательные выступают парно с каритивным суффиксом и без него: *čonan бүрдэмä.* — *Tarakan* 'Живой без крови. — Таракан'.

С. Сааринен приходит к весьма интересному и убедительному выводу: в загадках встречаются все основные типы простых предложений марийского языка при некоторых количественных различиях: экзистенциальных предложений (около 20% из простых предложений) намного больше, чем их обычно встречается в языке. Естественны также разные именные предложения, которые в обычном языке встречаются лишь спорадически. Порядок слов в загадках более подчинен правилам, чем в обычной речи или в других текстах, где прагматика и объединенность текста оказывают влияние на содержание предложения.

Далее в книге рассматриваются сложные предложения и их заменители. В материалах Т. Евсевьева автор нашла 20% сложных предложений, состоящих из двух простых, и около 10% — из трех и более. У А. Китикова последних более 18%.

В марийском языке по сравнению с финским употребляется мало союзов. Вместо второстепенных предложений в нем нередки инфинитные конструкции. Союзные сложные предложения в материалах Т. Евсевьева составляют 5%, у А. Китикова — около 3,5%. Второстепенное предложение предшествует главному и отношения между членами предложения строятся по схеме SOV.

Среди инфинитных конструкций временные деепричастия почти отсутствуют. В материалах Т. Евсевьева обнаружился лишь один соответствующий пример. Инструктивные, т. е. *n*-овые деепричастия,

выступают чаще, но обычно являются только обстоятельствами и не имеют своего действителя или объекта, исключение — деепричастие *šüşkšlän*, которое имеет обстоятельство *jolyäč* (с. 55).

С. Сааринен пишет, что в ее материалах нет явного примера сложного предложения из двух предложений, в котором одно четко подчинялось бы другому и вместе они выражали бы одновременно совершающееся действие, причем это предложение соответствовало бы финскому предложению с союзом *kun* (с. 56). В таких случаях в марийском языке широко используются инфинитивные конструкции, что отмечено справедливо. Если предложение не выступает вместо какого-либо члена второго предложения (объекта или обстоятельства), то оба нужно считать самостоятельными, главными. И здесь С. Сааринен безусловно права (с. 56).

В антитезисных построениях, в которых первое предложение выражает условие второго, употребляется союз *γän* 'если', но его может и не быть: *Müşkär temeš — šorteš, šuža — čarna. — βēdra* (с. 56) 'Насытится — плачет, проголодается — перестанет. — Ведро'. В одной загадке, по мнению С. Сааринен, использован синоним союза *γän* — это *δäk(δäkat)*: *Iz δäkat, tärtäβek, kuγi δäkat, kožβek. — kutkš, pudi* (с. 57) 'Если маленький, то *tärtäβek*, если большой, то *kožβek*. — Муравей, клещ'.

Мне кажется, здесь С. Сааринен, е все совсем права, ибо саму загадку перевела не точно: *δäkat* соответствует не условному союзу *γän* 'если', а уступительному *γänat* 'хотя', о чем она пишет ниже (с. 57). Поэтому загадку надо было перевести так: 'Хоть и мал, но *tärtäβek*, хоть и велик, но *kožβek*' и рассматривать ее вместе с конструкциями с союзом *γänat* 'хотя'. Другое дело, когда союз *δäk* выступает без частицы *-at*, тогда *γän* и *δäk* синонимичны.

Интересно наблюдение автора книги относительно частицы *-at*, которая часто встречается в загадках, но в роли союзной частицы, соединяющей два предложения, обнаружена лишь в одном случае: *šükšü kuβam tükal δäšä mat müγral δäš,* —

*Soγan* (с. 61) 'Только тронул старуху, заплакала. — Лук'.

Разделительный союз *ale* 'или' встречается только два раза. С. Сааринен права: этот союз заимствован из русского языка. Ф. Гордеев и А. Саваткова, правда, относят его к татарским заимствованиям (с. 61). Татарским по происхождению является союз *ala* 'не то, то ли', который в материалах Т. Евсевьева встречается лишь раз. Один раз встречается и союз русского происхождения *ni*.

Интересно замечание автора о процентном соотношении сложных предложений: в материалах Т. Евсевьева они составляют около 30%, но только около шестой части — союзные.

Бессоюзные сложные предложения не имеют ни морфологических, ни синтаксических разграничителей между главным и подчиненным предложениями: оба являются главными. С этим вполне можно согласиться (с. 62). Около 10% составляют такие сложносочиненные предложения, строй которых идентичен, т. е. в простых предложениях последовательно выступают те же члены предложения и в том же порядке. Подобные предложения типичны для загадок (с. 63).

Такую же структуру имеют предложения с контрастной формулой, но в них, в отличие от предыдущих, субъект всегда на первом месте: *Kuβa kuržeš, kup lünkalteš. — Soräk mež* (с. 64) 'Старуха бежит, болото колышется. — Шерсть овцы'. К этому же типу относятся и отрицательные предложения: *Kečä ok už, pi nulal ok keč. — Pu rüδä* (с. 65) 'Солнце не видит, собака не может лизнуть. — Сердцевина дерева'.

Интересно, что по наблюдению С. Сааринен, в загадках очень редки предложения с относительным придаточным. В материалах Т. Евсевьева обнаружено только одно. В двух примерах объектом в частях сложного предложения выступает реплика, связующим элементом — «притяжательный суффикс субъекта»: *Iktäžä «kajna» maneš, βesäžä «βozäna» maneš, kumäšäžä «šinčena» maneš. — Kornä kaška, omarta* (с. 66) 'Один говорит — пойдем, другой говорит — ляжем, третий говорит — посидим. — Дорога, валежник, пеня'.

Выводы С. Сааринен весьма убедительны.

тельны. Она пришла к заключению, что способы соединения сложных предложений радикально не отличаются от таковых в обычной речи, отличия большей частью выражаются в количественном отношении, а не в качественном. Малочисленность инфинитных конструкций в загадках объясняется простотой и суженностью их синтаксических конструкций, что наблюдается и в простых предложениях. Синтаксис сложных предложений в загадках невозможно отделить от семантики, а семантика связана с законами традиции. На синтаксис загадок влияет также разгадка.

В разделе, посвященном категориям имени, С. Сааринен рассматривает особенности употребления числовых, падежных, притяжательных форм и конструкций с послелогом и частицами. Она отмечает, что бедность языка загадок видна и в морфологии, многие суффиксы не присоединяются к именам. Притяжательные суффиксы выступают лишь как средство сочинительной связи. Определениями обычно выступают производные прилагательные, за исключением каритивных.

Особенностью марийского языка, как верно замечает С. Сааринен, является частое употребление формы единственного числа вместо множественного. В косвенных падежах это еще заметнее. Со ссылкой на Р. Бартенс она объясняет это тюркским влиянием в то время, когда древнефинно-угорский показатель множественности *t* исчез из именного склонения. Позже фонотактически развились показатели множественности *βlak* и *šamāč*. Действительно, *βlak* и *šamāč* марийским языком заимствованы из тюркских, если, конечно, учесть что *šamāč* — суффикс сложный и конечная его часть не является тюркской. Однако само употребление единственного числа вместо множественного, по-моему, нельзя объяснить тюркским влиянием. Скорее всего, это исконно марийское и достаточно древнее явление.

Показатель *t* и в древности не мог употребляться в косвенных падежах. В примере *Meŋyālan, saβarlan, koklašte kota—šamāč čāri-čuri maβārat*. — *Kūsle* 'Среди столбов, заборов мыши пицат чыри-чурн. — Гусли' перевод С. Сааринен верен, но заключение, что употреб-

ление множественного числа здесь трудно объяснимо, вряд ли приемлемо. В словах *meŋyālan, saβarlan*, на мой взгляд, имеется показатель множественности *-la*: *meŋyā+la+n*, где *-la* — суффикс собирательной множественности, *-n<-an* — суффикс прилагательного (с. 69).

Весьма справедливо замечено в работе, что падежные формы имени в загадках таковы же, что и вне их. Именительный падеж может иметь различные функции: субъекта, объекта, атрибута, предикатива, главного слова с послелогом (с. 69). Но здесь возникает сомнение относительно формы именительного падежа в конструкции с инфинитивными формами. Можно ли в этих случаях говорить о номинативе? Из примера этого не видно: *Aršān tojam tojalten, šinčal mešak sakalten, kok epečām čākalten kaja*. — *Mošnak* (с. 55) 'Идет, опираясь на аршин, повесив мешок с солью, вложив две овсяные лепешки. — Мошна'. Первая и третья части предложения, в которых объект в аккузативе, указывают, что в данном случае выступает не номинатив, а неоформленный аккузатив, т. е. аккузатив без эмфатически выпавшего суффикса *-m* (с. 55, 69).

Форма генитива встречается лишь приблизительно в 7% загадок и обычно в качестве определения имени с притяжательным суффиксом. С. Сааринен пишет, что генитив в загадках в функции обстоятельства выступает лишь в некоторых случаях: *Kužun pura, jomēn lektes*. — *Šudā solāmaš* (с. 63) 'Входит длинным, выходит, теряясь. — Сенокос'. В этом примере, мне кажется, нельзя усматривать генитив. Это бывший инструктор, который в марийском языке перешел в наречие. И *jomān* 'теряясь' нельзя считать генитивным инструкторивом, как полагает С. Сааринен. Здесь деепричастие на *-n* возникло из древнего причастия, ср. *шужен ий* 'голодный год', *рожын мижкыр* 'дырвый живот' и *шужен илиш* 'жить впроголодь' (с. 70).

Форма датива встречается только приблизительно в 2% загадок. Функции ее многоплановы — права С. Сааринен. Интересно наблюдение ее по поводу формы датива в функции латива (с. 71).

Далее автор говорит о функциях послелогов *pač* и *deč* в целом правильно (с.

72), но в одном примере, мне кажется, не совсем точно определено значение *deč*: *Sij šuran taŋa peče rož deč peče rožəm kãčaleš*. — *Jãdal ãstãmã sũzlõk* (с. 73) 'Среброгорий баран ищет лучшее отверстие (букв. от отверстия отверстие). — Кочедык'. В данном случае, я думаю, нельзя исходить из буквального перевода. Смысл заключается прежде всего в сравнении, ибо баран ищет лучшую дыру, о чем говорит даже глагол *kãčalaš* 'искать'. Это древний способ выражения сравнения, ср. *ošo deč ošo* 'белее белого', букв. 'белее от белого'.

Употребление локальных падежей в загадках, как отмечается в рецензируемом труде, одинаково с обычной речью, разница только в количественном отношении. В марийских загадках более употребительны местные падежи — около 20% загадок. Это объясняется, как верно говорит С. Сааринен, влиянием большого количества экзистенциальных предложений (с. 73).

Весьма интересна точка зрения финского исследователя о сравнительном падеже на *-la*. По ее мнению, как в склонении, так и в наречиях суффикс *-la* един и его можно было бы считать компаративно-модальным, так как значения исходят из первоначального 'каким образом, подобно чему', или модальным (с. 77). В целом с ней вполне можно согласиться, но марийские лингвисты здесь исходят из современных функций суффикса *-la*.

Форма совместного падежа на *-ŋe* встречается только в двух загадках, лишительный падеж на *-de* отмечен лишь sporadически, обычен же для западных диалектов. Права С. Сааринен, что суффикс *-j* в существительных, выражающих родственные отношения, является вокативным, а не деминутивным (с. 77). Суффикс *-ñek*, который в книге назван модально-инклюзивным, в загадках обнаружен только раз.

Далее С. Сааринен останавливается на различных словообразовательных суффиксах имен — *-la*, *-maš*, *-ðãmaš*, *-se*, *-an*, *-ðãte*, *-rak*. Относительно суффикса *-rak* отмечено более широкое употребление в период развития литературного языка, ибо в фольклоре он встречается редко (с. 80). Однако вряд ли с этим можно согласиться. Здесь, очевидно, сказывается сама структура языка зага-

док и сказок, которая отличается от разговорного языка своей древностью, о чем сказано далее.

Интересны наблюдения С. Сааринен о притяжательных суффиксах: в загадках чаще всего выступают притяжательные суффиксы 1 и 3 л. ед. ч., sporadически — суффиксы 2 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., а суффиксы 1 и 2 л. мн. ч. отсутствуют вообще (с. 80). Функции притяжательных суффиксов весьма различны. Приводится пример, по построению напоминающий фин. *Kesät talvet, kesänsã talvensa* — это *Telet keñežet ik ßurpem*. — *Kož* (с. 83) 'Зимой и летом в одной одежде. — Елка'. Не плохо бы в данном случае более глубоко рассмотреть корни таких конструкций.

В разделе, посвященном категории глагола в загадках, С. Сааринен отмечает, что глагольные морфемы в них тоже малоупотребительны. Из личных форм глагола наиболее часто встречаются формы 1 и 3 л. ед. ч., другие формы — реже, а форма 2 л. мн. ч. вообще не используется. Картина почти такая же, что и с употреблением притяжательных суффиксов (с. 86). Первое место по употребительности занимает 3 л. ед. ч., второе — 1 л. ед. ч. и лишь третье место (5%) — 3 л. мн. ч. (с. 87).

Для марийских загадок, как и для загадок других финно-угорских и европейских народов, типично употребление презенса. По наблюдениям С. Сааринен, имперфект в загадках выступает лишь sporadически (с. 89), а отрицательные формы глагола составляют 15% всех глаголов (с. 91).

Подробно анализирует С. Сааринен функции инфинитива на *-aš*. Она отмечает, что если в обычной речи агент инфинитива на *-aš* часто выражается с помощью притяжательного суффикса, то в загадках его действительный подчас тот же, что и у предиката, которым во многих случаях являются безличные глаголы *liješ* 'можно, возможно' и *jõra* 'ладно' (с. 92).

Причастия также малоупотребительны в загадках. Чаще других встречается пассивное причастие на *-me*, но и то скорее в загадке (с. 93). Большое место в загадках занимает *n*-овое деепричастие — в 10% загадок. При помощи этого деепричастия выражаются различные се-

мантические отношения: образ, способ, причина, условие действия или чисто временные отношения. В загадках реализуется обычно выражение образа действия или временных отношений. Довольно мало в загадках, по наблюдениям С. Сааринен, и составных глаголов с видовыми значениями, образованных с помощью деепричастия на *-n*. Причину она усматривает, с одной стороны, в бедности выражения, с другой, в неподчеркнутости завершенности действия. Это, на мой взгляд, верно (с. 96).

Словообразовательные суффиксы глаголов, несмотря на их обилие в марийском языке, тоже употребляются редко. Более обычны каузативные суффиксы *-t*, *-kt*, *-ar* и возвратные *-lt* и *-alt*. Из суффиксов видовых значений чаще встречаются однократно-моментальные суффиксы (с. 97).

Фонологически, если не принимать во внимание употребление подражательных слов, марийские загадки, как правильно пишет С. Сааринен, не отличаются от других текстов (с. 99). Наряду с подражательными словами встречаются созвучия в начале загадки, что достигается повторением однокоренных слов. Это усиливает глагольное действие (с. 100). Здесь, по-моему, следовало упомянуть и усиливающую роль частицы *-ak*: *počältänak počälteš* 'открываясь же — открывается'.

Весьма кропотливо анализируется лексика загадок. В материале Т. Евсеева автор насчитала около 6800 лексем. При этом число отдельных слов удивительно велико — приблизительно 1600. В лексике сказок, легенд и преданий из 18 000 лексем только 1300 — отдельные слова.

Загадки с подражательными словами составляют 11%, а количество различных подражательных слов достигает 18,5% лексики загадок. Лексика загадок без подражательных слов по частям речи распределяется следующим образом: 60% — именные части речи, 18,5% — глаголы и 3% — служебные слова. Из именных частей речи 2% составляют числительные, 2% — местоимения и 11% — явные имена прилагательные без учета тех слов, которые могут быть отнесены и к прилагательным и к существительным. Среди прилагательных большинство имеет суффиксы *-an* (20%) и *-dät*

(три прилагательных) (с. 101). Собственно наречий встречается очень мало, союзозов всего семь. Из числительных чаще других обнаруживается *ik*, *ikte* 'один'. Указательные местоимения множественного числа отсутствуют вообще, из местоимений единственного числа выступает один раз лишь *tudo* 'он, тот' (с. 103). Вопросительных местоимений всего 19. Неопределенные местоимения редки. А вот возвратное местоимение *ške* 'сам' употребляется часто, также часто используется определительное местоимение *čäla* 'всё' (с. 104).

В языке загадок определить клише труднее, нежели в эпических произведениях, где оно стереотипно, а потому позволяет сказителю легко создавать новые стихи (с. 104). Клише выступают прежде всего в начале предложения, они представляют собой общепринятое начало (с. 105). Клишироваться могут и обстоятельства места, времени (с. 106—107). Можно считать клишированными метафорично употребленные собственные имена и слова, обозначающие родственные отношения, среди них *bäte* 'жена, женщина', *kuβα* 'старуха', *kuβāza* 'старик' (с. 108). Есть и другие клишированные выражения, например, со словами *kočajn* 'деда', *kuβabain* 'бабушки' и др. (с. 112).

Большое место в работе уделено идеофонам или подражательным словам. С. Сааринен права: ономотопеэзия характерна для марийского языка в целом, не только для загадок (с. 114). Хотя семантика подражательных слов может быть и утвердившейся, но часто их значение выявляется, как верно пишет С. Сааринен, только в данном контексте (с. 115). Для перевода подражательных слов в других языках невозможно найти соответствий, поэтому они обычно не переводятся.

Мне думается, С. Сааринен ошибается, выделяя в подражательных словах *karladät* и *tiaädät* притяжательный суффикс 2-го лица и суффикс винительного падежа. В них нет никакого падежного, тем более притяжательного суффикса. Здесь наблюдается лишь созвучие с названными суффиксами, как, например, *тыргылдым* — *тургылдым* и др. Нельзя также элемент *-t* считать личным окончанием 1-го лица единственного числа претерита (с. 120).



Большой раздел рецензируемой работы посвящен семантике загадок. В нем автор выделяет такие способы ее выражения, как метафоризация и ирреализм. Метафора чаще связывается со сходством по цвету, форме и т. п. Она всегда противоположна разгадке. Кроме метафоры, в марийских загадках применяются метонимия, полисемия. Иногда в загадке говорится о реальном предмете, который должен присутствовать в разгадке. Одним словом, загадка и ее разгадка по семантике тесно взаимосвязаны. Ирреализм соотносится с физическим, причинным несоответствием или с нереальной жизненной ситуацией. Однако, несмотря на это, материал марийских загадок на 12% связан с реалистическими картинками жизни (с. 175). Весьма интересно, что наряду с метафорой 6% загадок основаны на

правдивых картинах, например: *Počšš deč päläššäžž kužu. — Meraŋ* (с. 164) 'Уши длиннее хвоста. — Заяц'.

Есть загадки, в которых отношение между содержанием загадки и разгадкой неожиданно, разгадка совершенно иная, чем позволяет ожидать загадка. Например, содержание как бы намекает на секс, но в разгадке этого нет: *Punəm torem, čaram čäkem. — Kät, piž* (с. 168) 'Раздвигая шерсть, вставляю голое. — Рука, ва-режка'.

С появлением работы С. Сааринен финно-угорское языкознание и фольклористика пополнились еще одним фундаментальным исследованием, марийское языкознание и фольклористика — в особенности.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

А. С. Сидоров, *Избранные статьи по коми языку. Составитель Г. В. Федюнева, Сыктывкар 1992. 160 с.*

Рецензируемая книга значительна в нескольких отношениях и прежде всего как дань уважения памяти даровитого и разностороннего коми ученого Алексея Семеновича Сидорова (1892—1953), испившего чашу горьких испытаний в период сталинщины и все же не сломленного, не утратившего до конца дней своих творческую энергию. О нелегкой судьбе исследователя читатель узнает из содержательного предисловия Г. В. Федюневой. Книга доносит из прошлого отзвуки жарких лингвистических дискуссий, сопровождавших распространение в отечественном языкознании «нового учения о языке» Н. Я. Марра, согласно которому структура языка зеркально отражает социально-экономические отношения и их историю, а языковая семантика есть слепок с понятийных категорий, развивающихся стадийным, скачкообразным путем. Несмотря на явную фантастичность идей «нового учения», их неординарность влекла к себе молодых исследователей. Не избежал увлечения марризмом и А. С. Сидоров. Однако даже в наиболее «марризованных» сочинениях он высказал ряд суждений, основанных на исследовании добросовестно подобранного

языкового материала, актуального и в наши дни.

Примером этого может служить первая статья книги «Парные словосочетания в коми языке как выражение языковой стадии и как грамматическая форма» (1948). В ней дана классификация словосочетаний типа *лун-вой* 'день-ночь' и *зиль-зэль* 'динь-динь' с учетом расположения, семантики и грамматической формы компонентов. Реверсаны в сторону марризма не заслоняют остроумного, иногда парадоксального анализа языковых фактов. Подкупают живость, нестандартность исследовательской мысли автора, его творческая раскованность.

Обильный материал содержат статьи «О некоторых особенностях языка русского населения бассейна р. Яреньги» (1948) и «Влияние русского языка на грамматический строй коми языка» (1951). Сохраняет актуальность поставленная в них проблема коми-русских языковых контактов. Намеченная в статьях исследовательская программа с некоторыми поправками может быть применена и в наши дни.

В статье «Изучение диалектов коми языка — важное общественное дело»